Б.А. Глубоковский

49. Материалы и впечатления

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б.А. Глубоковский
Б11 49. Материалы и впечатления / Б.А. Глубоковский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 101 с.

ISBN 978-5-458-54437-5

49 - статья Уголовного кодекса РСФСР 1922 года, которая предусматривала высылку лиц, представляющих «социальную опасность». В книге рассказывается о Соловецком лагере особого назначения, в котором отбывал наказание сам автор книги - Борис Глубоковский. В книге описываются жизнь и быт заключенных лагеря, песни, лагерный театр, игры заключенных, нравы, и др.

ISBN 978-5-458-54437-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

„49“

Сухие и строгие цифры заглавия вряд ли что-нибудь расскажут читателю о содержании этой главы, а между тем 49—многозначительная цифра.

Раскройте уголовный кодекс и прочтите статью 49. В этой статье говорится о социально-вредных элементах.

Вот с этими «социально-вредными элементами» и приходится иметь дело Управлению Соловецких Лагерей.

Воры-рецидивисты, проститутки, завсегдатаи Хитровки, притонодержатели, «коты»-тунеядцы — такова большая часть обитателей Соловецких островов.

На всех печать—49.

Все приехали из огромных городов, у всех испитые лица, испитая психика, испитая мораль—все забубенные головушки.

Поезд привозит их из Москвы, Ленинграда, Ростова, Киева, Харькова, привозит в бесплодную Кемь, суровую, обдуваемую морскими ветрами, со строгим диким лесом, пестрым мохом, белыми ночами, огромными каменьями — в Кемский пересыльный пункт — деревянные бараки, за колючей изгородью проволоки.

Там «сороколевятники», как и прочие ссыльные, вкушают дисциплину трудовых лагерей, а потом пароходом «Глеб Бокий» во чреве огромной баржи их везут в Соловки.

Прожитую жизнь не уложишь в саквояже, ее не оставишь в больших городах, а везешь сюда же, на Соловки.

И сколько бурных, порочных жизней выбрасывает на зеленокудрый Соловецкий остров вместительная баржа «Глеба Бокия»...

Путь исправления через труд

Эти слова читают взоры, привыкшие читать этикетки кондитерских изделий и Моссельпромовских пивных.

И эти слова—не пустой лозунг. Нет. В Соловках эти слова воплощаются в жизнь твердо, неуклонно и непременно.

Воспитательное значение труда не требует пояснительных аргументаций. Но перед администрацией лагерей стоят еще более сложные задачи. Мы говорим о воспитательно-просветительной работе среди заключенных.

Чтобы найти общий язык, вовлечь в эту работу действительно широкие массы Соловецкого населения, необходимо нужно изучить внимательно жизнь заключенных, нужно ланцетом анализа вскрыть в них гнойник пережитого, нужно понять их настроение и учесть их желания.

Тут мало, совсем недостаточно лисциплины, тут нужна рука педагога. И Управление Соловецких Лагерей вооружается запасом наблюдений над бытом заключенных, изучает их творчество в литературе, на театре, пробуждая самодеятельность масс, внимательно следит за перипетиями развития этого творчества, отбрасывает мещанскую накипь, устраняет идеологические ухабы и распутицу, скрипучую телегу кустарной идеологии стремится заменить авто научного познания.

Но прежде, чем приступить к «лечению»,—нужно поставить диагноз. А чтобы поставить диагноз — нужно внимательно изучить психологический строй уголовного мира.

Он очень своеобразен, в нем отпечаток эпохи «бури и натиска», в нем кастовая подоплека—кастовая ограниченность. Чтобы прорвать кольцо кастового „ноли ме тангере" — нужно услышать их песни, что распевают в поздний час на койках, перечитать вороха рукописей, которые собираются литкружками, узнать их биографии...

Это сложная работа. В Соловках она ведется интенсивно.

В наших очерках мы хотим поделиться частью тех материалов, какими располагает УСЛОН.

Анкеты, рукописи, театральные постановки, стихотворения—через эти груды материалов вырисовывается фигура уголовника-шпаненка в классическом кепи, с цыгаркой (не менее классической) во рту, с охалкой во взоре и с матом на устах.

Шпана. Этим словом называют мелких представителей уголовного мира.

Шпаненок — это „пролетарий" уголовного мира, в лучшем случае середнячек.

Шпаненок—это выразитель огромной серой массы уголовного мира.

Это шпрмачи и домушники, хипесницы и банщики, городушники и поездушники, фармазонщики и кукольники. Но это работники мелкие, их мечты—утолить голод. Их желания—порошок кокаина или бутылка скверной самогонки в шумно-драчливой пивной под скулящую песенку хора „русских певцов под управлением Баяна"...

Они не «герои».

Они «толпа», они не «творцы» шпанской «культуры», а ее жертвы.

Они, эти шпанята, эксплоатируемые «богатыми» преступниками—воровскими подрядчиками и притонодержателями — представляют довольно своеобразный воровской „пролетариат".

Мы уже говорили — они проникнуты кастовым духом.

Их язык — жаргон, воровской жаргон «хаз», «малин», темных бульварных аллей и публичных домов.

Этим языком они отгораживаются от всего остального мира, а в своем искусственном мире создают свою мораль, свою романтику, свою общественность.

В этом подполье, в этой нарочитой отверженности, в этой идеологической изолированности образуется благодатная почва для произростания преступных замыслов и их выполнителей.

Мир делится ими на три «класса»:

Свои, фраера и легавые. Свои — эти деляги по ширмаческой, хипесной и прочим специальностям.

Фраера—эти об'екты для обработки. Легавые — это враги, представители угрозыска и ГПУ.

Свои — неприкосновенны.

Фраера — вне «закона».

Легавые... «сука ты, хуже легавого», такова пословица «своих». Такова их самая обидная брань.

Так в сложной общественной прослойке «свои» помещаются между фраерами и легавыми. Фраера — кормильцы и поильцы. Это дойные коровы, это убойный скот. Легавые — враги.

В заячьей психологии шпаненка легавые защищают не государственные устои, не правильную, здоровую жизнь производящего общества, а имущество фраеров, их священную собственность. И вся ненависть шпаны обрушивается на институт легавых. Отсюда и видимая революционность шпаны. Отсюда ее внешнее бунтарство. Но поход их против собственности вовсе не наполнен пролетарским революционным содержанием. Отнюдь. Ненависть к госу-

дарственным органам сама по себе еще не говорит о революционности. И было бы большой ошибкой «революционность» шпаны представлять себе революционностью без *ковычек*.

Внимательно проглядев материалы, которые мы предлагаем читателю, можно с большей убедительностью удостовериться в правильности вышесказанного. Приоткроем же слегка завесу над неизвестным нам миром и заглянем в разнообразные его уголки.

ИХ ОБЛИК

Цветы асфальта

Они — цветы асфальта.

Они растут не в теплицах под упругими стеклами, их обдувают пыльные ветры, жжет капризное солнце улицы. Эти цветы знают жесткую непогодь, мокрой, слезливой, косматой старухи осени, воющей свою унылую песнь одинокой вдовицы, жаркий поцелуй городской чахоточной красавицы лета и холод ядреной бабушки благодушной, строгой зимы.

В каменной громаде огромного города—много этих цветов. На тротуарах среди шумных улиц цветут эти цветы. Сколько ног в сапогах, в ботинках, сколько ножек острием каблуков растаптывают эти цветы. А цветы растут и крепчает стебель, уверенно неся юношескую голову с непокорными мыслями под мохнатой шапкою нечесаных волос.

Глаза смотрят на шумный город, мысли беспокойно бурлят в молодой голове, жизнь так сложна, так дьявольски сложна и жестока.

Где найти те скрижали, на которых написаны мудрые правила жизни? Люди слепы, глухи, немы...

Разве они в теплой квартире, за ярко вычищенным самоваром поймут того, кто жмется в это время в углу холодного под'езда, спит в „развалке", кто бро-

сает горячий взгляд на огненный квадрат освещенного окна, кто, кутаясь в рваное барахлишко, благословляет вшей, ибо вши греют его.

У людей собственность, семья.

У него одиночество — холодный угол, уличный фонарь и тротуар.

В обществе, где „приличная" т. е. имущая часть населения забронировалась церковью, полицией, замками—наш шпаненок точил втихомолку зубы и рыл ту яму, которая теперь отделяет его от жизни страны.

Он один в кругу отщепенцев, как сам он. О чем мечтает? Чем полна его головушка?

Он хочет жить. Жажда материального благополучия—это все его существо. О, он не Жан Вальжан, герой и бунтарь, наш шпаненок, он восстает не против собственности, а за нее.

Он ищет ее. Он раб ее. Он пылинка, несомая ветром. Он сын города—капитала. Он результат этого города.

Ходячий, двуногий упрек!

Идите с ним в корявый „Рваный" переулок, что гнилой челюстью торчит у зеленого Цветного бульвара, гляньте, как он трепетными руками развертывает маленькую бумажечку, а в бумажке серебристый порошок-кокаин.

Деньги, хмель, похмелье, карты, холодная проституточная любовь-разгул, кражи, побои—где в этой вакханалии научиться мыслить и жить?!

Ведь мир—враг. Весь мир топчет цветы асфальта.

Одиночество. Одиночество и пустота.

Если вы увидите юношу или девицу в темную, осеннюю ночь на склизкой скамейке бульвара, не глядите на них глазом наблюдателя. Подойдите к ним ближе.

Прислушайтесь. Тссс...

Для кого весна отрадная—
Для меня отрады нет,
Ах, зачем я, несчастная,
Уродилась в этот свет?
Люди злые, ненавистные
Хочут с милым разлучить.
Из-за денег, из-за ревности
Брошу милого любить.
Брошу плакать и печалиться,
Брошу горе горевать,
Моя молодость загубленная
Не воротится назад.

Шуршат листья под крепкими каплями дождя, ветер нахально бьет оплеухи по дрожащим деревьям.

В словах песни, в этом заунывном напеве—тоска, безнадежная тоска. Разве не в этой, больной надрывной жизни рождались эти юноши и девицы?

Их жизнь—материал для патологических исследований

Приклеить ярлычки „больные" или „элементы", значит, ничего еще не сказать, ничего не открыть. Ведь в расшифровке этикетных названий и погребена тяжелая и серьезная задача.

Найти ключ к познанию подлинной, сложной, запуганной жизни этих „элементов", приобрести словарь к их языку переживаний—вот наша задача.

Если мы разрешим эту задачу на Соловках, облик этих юношей и девиц—это многоликое чудище города,—сможет стать ручным, полезным материалом для новой, творческой жизни.

„ИХ ТАЙНЫ"

„Пивная культура"

Перед нами тяжелая тетрадка, исписанная мелким почерком с первой страницы до последней. Автор заносил в эту тетрадь „ума холодные наблюдения" и, главное, „сердца горестные заметы". Перед нами „человеческий документ" в том смысле, как понимал

его Золя. Эта тетрадь—склеп мечтаний, чаяний и надежд...

В этом документе мы можем читать человеческую жизнь, сжатую в корявые чернильные строчки.

Владелец этой тетрадки записывал те произведения искусства, которые волновали и трогали его. Известно: каждый человек берет от искусства то, что ему нужно.

В вечерний час перелистывал он серенькие страницы тетради и любимые образы вставали перед ним. И в этих образах—кусочки подлинной души автора. Автор говорит правду наедине с собой и с тетрадкой.

Альбом старорежимной институтки, исписанный пошленькими стишками—лучшее отражение ее бомбоньерочной души. Переписка не даром так полюбилась почтмейстеру из Гоголевского „Ревизора"—там, поистине, „лучше, чем в Московских ведомостях".

„Мы так привыкли маскироваться перед другими, что в конце концов начинаем маскироваться перед самими собой".

Слова эти Ларошфуко мы принимаем к сведению:

— Маскируясь перед собой—мы выбираем любимые цветы, желанные краски, прилюбованные формы. И в этом подборе красочек и глянет характерец—подлинное лицо со всеми примечательными аттрибутами.

В альбомах и тайникак лирических строф—крепко и увесисто помещается идеология их владельца.

Итак, в

Альбом!

Что выписано в этих страницах?

Что помещается за упругим кардоном переплета?

Перелистаем страницы.

Почитаем.

„Белее покрывало"—стишки о венгерском графе, „Сумасшедший" Апухтина.

Ну, это туда-сюда из „Чтеца декламатора". Тоже почтенное издание, услаждающее вкус „любителей изящных словесностей".

„Чудный месяц плывет над рекою" и „Девушка младая (отнюдь не молодая) не хочет любить"—сверкают замусоленные „очи черные, очи страстные, жгучие и прекрасные", „Костер в тумане" продолжает неуклонно светить, а „искры гаснут на лету," автор „помнит день, о, это было счастьем," когда „под душистою веткой сирени" происходит, черт знает, что, и так далее, и так далее звучат скрипучие слова, тянется эта музыка дешевой скрипки, от которых пахнет дешевыми ресторанами и дорогими шантанами, через гнуснейшие образы людской пошлости, ничем не заклеенной—пританцовывая, как разбубенный залихватский плясун—бегут, бегут веселые строчки.

Ах, веселится паренец, веселится наш знакомец. Вот он раскрывается во всю свою „узенькую ширь".

Пожалуйте—странички тетрадки поют голоском в самомодельнейших „хаз", „малин" и уютных квартирок Цветного Бульвара и пресловутого „Юра"—„Хитровки".

Пригласил я ее в ресторан скорей,
Вижу водочку, с'ел селедочку.
Предложил я ей закусить.
Вижу дамочка, моя мамочка.
Стала тоже водку пить...

Заметьте эти слова. Не забудьте эту „мамочку и и дамочку", которая так ловко хлещет водку. Но дело, конечно, не в этой очаровательной „мамочке".

Дребезжат несмазанной пролеткой яркие образцы, близкие сердцу владельца этой замечательной тетрадки.

Наш герой заботится о девицах. Им, своим подругам, выводит черным по белому. Вот оно: „Для девиц".

Здравствуй, Маня дорогая,
Здравствуй, розочка моя,
Косы русы, завитые,
Поглядеть бы на тебя.

И вот что отрезает эта очаровательная девица:

Ты полюбил одну богачку—
Просто знаю, милый, я
Пускай она тебя же любит,
Пускай владеет она тобой.

А в сущности — приплясывает: люби не люби, а подплясывай:

Захочу—принять с'умею,
Захочу—ногой и в шею,
Этикет мне Ваш смешон—
Я сама себе закон!

И тут же девица поясняет, что она принимает за этикет:

Захочу—оттаскаю,
Захочу—приласкаю.

Но черт с ней, с этой девушкой, у которой „русы косы", „кари очи" и все достоинства с брошюры. „Битва русских с кабардинцами или прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа". Ее облик ясен, она вся из качеств героини, взятой на прокат у заезжанных романсов.

В тетрадке есть и „жизнь певицы". Четким почерком весьма аккуратно тетрадовладелец выводит черным по белому:

Я—женщина и всем понятно,
Что не могу я отказать,
Когда упрашивают внятно
Мне спеть или что-нибудь сказать.

Тут уж, как пишут провинциальные репортеры, „комментарии излишни".

В остальных листах тоже романсы, „страдные весны", „песеньки пьерет" и т. д. и т. д. Все испачкано, а не исписано романсами, романцами и романсиками—какая-то пивная культура, пивное искусство, что подается вместе с воблой и горохом на пяти затейливых тарелках. Какой-то ураган шалости проносится перед вашими глазами. Зачем тетрадовладелец запруживает свою память этой дребеденью?